

Валентина Скиданова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ПЕРЕВОД СИМВОЛОВ НА ЯЗЫК СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Заболоцкий Н.

Анализ существующих в методологической литературе определений интерпретации (Г. С. Батыгин, С. В. Крымский, И. М. Волошко, И. В. Поляков, В. В. Пазельская, В. Ф. Генинг, А. Н. Елсуков, Ж.-К. Гарден и др.) позволяет признать, что интерпретация всегда представляет собой установление отношения между двумя системами, из которых одна выполняет функцию носителя информации, системы знаков (интерпретируемая система), а вторая – функцию быть смыслом, значением, информацией приписываемыми первой системе в целом или ее компонентам (интерпретирующая система). А результатом интерпретации следует, по сути, считать появление третьей системы, образованной из первых двух. Если первая система – носитель смысла или значения, а вторая – смысл, то третья система – нечто вроде осмысленного, понятого текста.

Наименее исследованными в методологии науки, как показывает анализ литературы, являются те формы интерпретации, когда в роли интерпретируемой системы выступает совокупность эмпирических данных, а в роли интерпретирующей – теоретическое знание или другие эмпирические данные. В научном описании, особенно в начальном эмпирическом описании, часто присутствуют именно эти разновидности интерпретации. Исходные же эмпирические данные выступают в функции знаковых образований не сами по себе, а в контексте исследовательской деятельности ученого, являющегося членом определенного сообщества. «Раскрытие намерений автора, уяснение формы его духа, определение степени строгости его мысли ...замыслов, проходящих красной нитью через его существование и придающих ему значение» [9, с. 30].

Отсюда, основная цель статьи – показать, что появление знаков внутренне связано с формированием принципиально новых информационных отношений, обусловленных присвоением индивидом общественно-исторического опыта человечества, с необходимостью его сохранения и воспроизведения (то есть наличием внегенетических, наиндивидуальных социальных систем информации). Однако, при этом, следует отметить, что не любой исторический материал может выступать

в роли знаковой системы, а лишь тот, который включен в процесс закрепления и передачи знаний, выработанных сообществом историков, и, тем самым социально санкционирован. Не случайно в литературе часто признается методологический смысл сравнения генезиса знаков и формирования бумажных денег: «Подобно тому, как бумажные деньги возникают из функции золота как средства обращения, естественную основу формирования языковых знаков составляет информационно-коммукативная функция реальных предметов» [4, с. 23]. В начальном описании роль знаков нередко выполняет именно реальные предметы.

Основная задача статьи – показать, что процесс распознавания, идентификации исторических (археологических) источников приобретает черты знаковой деятельности, когда он опирается на заранее принятый фиксированный словарь, в котором тем или иным сочетаниям признаков ставятся в соответствие понятийные конструкции или имена классов; с их помощью далее возникают более сложные образы, теоретические или эмпирические¹.

Следует сделать оговорку, касающуюся условности, произвольности знаков. Обычно подчеркивается, что форма знака, его физические свойства не зависят от объекта; один и тот же предмет может быть обозначен различными знаками, а один и тот же знак может употребляться для обозначения различных предметов. Это верно и для материальных предметов, наделяемых функциями знаков в процессе археологического описания, – в той мере, в какой это связано с относительностью представления данных и их расшифровки. Однако специфика данного вида знаковой деятельности состоит как раз в том, что между выбранным объектом – означаемым и означающим – здесь может иметь место отношение детерминации; знание этой детерминации опосредовано, как правило, реконструирующими процедурами (знак мыслится как часть некоей целостности). В этом случае знак может быть отнесен к категории естественных знаков. Если в роли означающего используется совокупность знаков из искусственного языка (или используемого специального фрагмента естественного языка), а в роли означаемого – материальные объекты, выступающие предметом археологического описания, в этом случае знаки также часто не являются произвольными, их выбор, как правило, мотивируется.

Если мы обратимся к экспликации самого процесса знаковой деятельности, включенной в научное описание, то здесь, очевидно, нельзя не учитывать общих закономерностей, касающихся любой знаковой ситуации. «В своем наиболее общем виде проблема значения заключается в выяснении того, каким образом мы переходим от физики к семантике?..., каким образом разум придает интенциональность

сущностям, которые не обладают внутренней Интенциональностью, то есть звукам и знакам, похожим на все остальные феномены физического мира?» [8, с. 124–125], – так формулирует проблему значения американский философ Дж. Серль, работы которого относятся к базовым, классическим в области философии языка [7, с. 3]. Такая постановка вопроса весьма созвучна ситуациям первоначального археологического описания, благодаря которому материальные предметы с вполне конкретными физическими свойствами наделяются свойством представлять собой жизнь древнего общества, сообщать об этой жизни информацию, подтверждать, опровергать или задавать вопрос в адрес существующих теоретических и эмпирических знаний, которыми располагают специалисты и представляемая ими наука. Дж. Серль дает ответ на поставленный вопрос, обращая внимание на особое свойство нашего сознания – его направленность на объекты и положения дел внешнего мира. Эта направленность выражается в различных состояниях, таких как вера, надежда, сомнение, желание, удивление, ожидание, воображение и др. Но интенциональность не обязательно связана с языком: «Язык выводим из Интенциональности, но не наоборот» [8, с. 101]. Следует также отметить, что некоей независимости семантики языка не существует: смысл, передаваемый с помощью языка, произведен от концептуальных систем коммуникантов как систем мнения и знания [6, с. 263]. «Сами по себе выражения, – отмечает Р. И. Павиленис, – не указывают на какие-либо объекты мира: указание как речевой акт осуществляется носителями языка как носителями определенных концептуальных систем» [5, с. 385]. И далее он показывает, что понимание языкового или неязыкового текста есть их интерпретация на том или другом уровне концептуальной системы [5, с. 388]. То есть текст может быть и не языковым, а смысл, приписываемый тексту, всегда строится на основе уже имеющихся в сознании смыслов (концептуальной системы), и наша способность понимать знаки базируется на способности идентификации и различия объектов и состояний мира. Отсюда становится понятным такое свойство любого знака, как полисемантность, способность соотноситься с разными концептуальными системами. Однако, полисемантность должна в каждом конкретном случае ограничиваться, ибо иначе взаимопонимание будет невозможным. Одним из способов ограничения полисемантности является учет предметного, знакового и смыслового контекстов. Знаковый контекст – окружение объекта-знака, а смысловой (интеллектуальный) контекст – окружение данной смысловой единицы в концептуальной системе человека, использующего знак.

Возможность учета различных ситуаций общения, знаковой

деятельности выбирается в качестве центрального момента в процессе построения такого варианта теории значения как ситуационная семантика. «Пытаясь развить теорию лингвистического значения, которая исходит из ситуаций, мы признаем эпистемологическую первичность ситуаций, но следуя языку и беря объекты, отношения, и локусы как исходные понятия нашей теории, реконструируем из них ситуации» [1, с. 265]. Для нас важно отметить такие существенные моменты ситуационной семантики, как: признание первичности ситуации по отношению к языку; признания существенного участия реконструирующих процедур в самом процессе интерпретации знаковых образований. Дж. Барвайс и Дж. Перри считают, что средства передачи значения – предложения языка и различные факторы в их употреблении: «Изучение языка предполагает координацию с более или менее удаленными частями окружения, а не со смыслами и мысленными представлениями» [1, с. 272].

Таким образом, мы можем заметить сосуществование двух различных установок в изучении интерпретативных процедур: первая связана с обращением к концептуальным системам, к интенциональности исследования, вторая – с обращением к знаковому и ситуационному окружению. Эти две процедуры ориентированы, по-видимому, на дополнительные друг другу подсистемы знаковой деятельности: подсистему восприятия информации и подсистему продуцирования информации. Когда строится словарь, например, археологического описания, исходна концептуальная система, которая соотносится со всей системой известных эмпирических данных. Из археологических источников при этом выбираются и фиксируются признаки, релевантные концептуальной системе и задаче, для которой строится язык описания. Когда каталогизируются новые памятники, исходными являются признаки памятника, из языка описания выбираются единицы, релевантные этим признакам. В этом случае более приемлемой является установка на анализ объектов-знаков, их окружения, поскольку чем более полно и адекватно изучены признаки и их взаимосвязи, тем менее произвольным будет выбор языка описания и единиц словаря. Связь с концептуальной системой исследователя здесь тоже есть, но она опосредована используемой знаковой системой (языком описания).

Весьма важными методологическими проблемами являются оценка языков описания, обоснование выбора языка описания в соотнесенности с задачами описания, проблема адекватности языков описания и, тем самым, объективности результатов. Здесь нельзя не согласиться с Ж.-К. Гарденом, который пишет: «Можно только удивляться тому, что оценка языков сводов, каталогов и иных публикаций

занимает столь мало места в археологической литературе... Действительно редко встречаются инвентари, своды и каталоги с серьезно продуманным семиологическим аппаратом, адекватным тем целям, которые стоят перед данной публикацией... Пока нет таких научных сообществ, которые бы устанавливали определенные нормативы и стандарты описания, подобно тому, как это делается в других областях знания (в физике, химии, технике и т. д.)» [2, с. 113].

Сам факт неоднозначности интерпретации в процессе описания, факт множественности языков описания является нормальным явлением, отражающим многоаспектность, многокачественность, относительность эмпирического материала. «Интерпретация, – отмечает М. Фуко, – это способ реакции на бедность высказывания и ее компенсирования путем умножения смысла, способ говорить, исходя из нее и помимо нее» [9, с. 121]. Не совсем верно, что нормативы и стандарты описания отсутствуют в археологических исследованиях. Они есть, но не задаются явно; они не являются однозначными; они интуитивны и могут быть эксплицированы лишь в процессе методологической рефлексии.

Р. Дж. Коллингвуд подчеркивает значение предшествующего опыта историка, его знаний, методологической вооруженности в процессе интерпретации: «Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. Принципы, в соответствии с которыми интерпретируются эти свидетельства, также меняются, так как эта интерпретация представляет собой задачу, в решение которой человек должен вложить все, что он знает: историческое знание, знание природы и человека, математическое знание, философское знание, и не только знания, но и умственные навыки и умения всякого рода, причем ни одно из этих знаний и умений не остается неизменным из-за этих непрекращающихся изменений, сколь бы медленными они ни казались наблюдателю в кратковременной перспективе, каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он сам должен пересматривать и сами вопросы» [3, с. 236].

Однако здесь весьма остро встает вопрос об объективности процесса интерпретации и его результатов: изменение метода и исходных знаний исследователя влияют на результат исследования, это верно. Но это вовсе не довод в пользу вывода о субъективности содержания результата. Во-первых, потому, что метод и фундаментальные знания сами имеют объективные основания (это признает и Коллингвуд). Во-вторых, потому, что интерпретируемые эмпирические данные объективны по

отношению к исследователю. Пока что следует признать, что явно недостаточно исследованы те материалы, благодаря которым данные источника становятся элементами исторического знания, то есть, получают интерпретацию в рамках существующих теорий, идей.

Ряд интересных наблюдений в этом направлении проводит Ж.-К. Гарден, предлагая довольно узкое употребление термина «интерпретация»: интерпретация у него – лишь одно из звеньев (пятое в его перечне) археологического исследования. Ему предшествуют следующие четыре звена: 1) постановка задач, 2) построение свода данных, 3) описание, 4) упорядочение [2, с. 211]. Для нас интересно проанализировать механизмы именно 2–4 звеньев, характерных для начального описания памятника. Опираясь на материалы Ж.-К. Гардена, можно утверждать, что составление свода, например, уже предполагает интерпретативные процедуры, состоящие в оценке пригодности материала для будущего исследования, построения методики отбора материала, предусматривающее его минимизацию. И наивная «установка коллекционера», из которой часто исходили историки, археологи, рассмотреть «возможно большее число» случаев, «рассмотреть по возможности все» не случайно вызывает иронию Гардена, который считает, что «искусство отбора материала... состоит не в том, чтобы собрать как можно больше данных, а в том, чтобы определить, исходя из задач исследования, такую методику отбора, которая позволит свести к минимуму число необходимых для решения данной задачи памятников» [2, с. 211]. Высшее достоинство современных методик Гарден видит в обосновании ограничения в количестве материалов для решения намеченных исторических задач. То же подчеркивается и по отношению к описанию: от наивной установки на «как можно более полное» описание сегодняшний историк, археолог переходит к другой установке: он видит прогресс научной методологии в том, что принимается принцип относительности системы представления данных. Идея «универсальных» документальных языков признается в связи с этим идеей несбыточной: любая типология, любой словарь отображают только часть свойств объектов, а сам выбор этих свойств меняется от исследователя к исследователю. Ведь «Язык всегда конституирует систему для всех возможных высказываний – конечную совокупность правил, которая подчиняет бесконечную множественность представлений» [9, с. 29].

Здесь важно не смешивать два момента: момент субъективности и момент необходимой относительности, отражающий характер описания. Основной частью языка является специальный словарь, «то есть совокупность терминов, обозначающих реальности, выбранные для изучения;... это – условные символы (знаки), каждый из которых получает

свое определение в рамках документального языка» [2, с. 92]. Другим важным компонентом языка является парадигматика – структура его лексики (содержательные связи, отношения между терминами), одни из этих связей не зависят от контекста, другие – зависят. Связи между терминами эксплицируются с помощью специальных морфологических средств (составные термины, связующие символы, аффиксы, указатели классов и т. д.) [2, с. 93]. Синтаксис языка произведен от морфологии.

Таким образом, один из видов интерпретативных процедур присутствует при создании языка описания; он связан с установлением отношений соответствия между теоретическим образом объекта, представленным ключевыми понятиями и их структурными связями, с одной стороны, и наличным эмпирическим материалом, – с другой стороны. Выбор словаря парадигматики и синтагматики, безусловно, зависит от наличной концептуальной системы исследователя. Гарден, например, в качестве существенных аспектов языка описания выбирает следующие три: а) правила ориентации, цель которых – установить каноническое пространственное положение объекта при его описании; б) правила сегментации, т. е. общепринятые способы членения объекта или памятника на различные части; в) правила дифференциации, определяющие объем и природу различий, которые должны быть описаны в терминах данного языка [2, с. 95].

Другой вид интерпретативных процедур, типичный для научного описания всех его уровней, – это установление отношения между новыми данными, новым материалом и, через посредство языка описания, теми теоретическими образами, построениями, которые существуют в данной науке. Учитывая характер реконструируемых в процессе интерпретации связей, Гарден изображает ее как многоступенчатый процесс с рядом переходов от рассуждений одного уровня к рассуждению другого, логически и семантически более высокого уровня. Этот процесс рассуждений он изобразил в качестве схемы, назвав ее логико-семантической организацией. При этом Гарден строит следующую классификацию интерпретативных процедур: 1) простые (совпадение, влияние, наследование); 2) нормативные (идеи, верования, культурные ценности); 3) динамические (системы поведения) [2, с. 19]. В последнем случае исследователь выходит за рамки формальной организации данных, чтобы объяснить их значение.

Первые анализируют однородные памятники: погребальный обряд, поселения любого типа, инвентарь и т. д. – и не позволяют исследователю представить более развернутую интерпретацию.

Вторые построения охватывают более разнообразные совокупности материалов, отыскивая в них группы, формально

аналогичные типам, но определенные на более высоких уровнях исследования: группы (и подгруппы), культуры (и субкультуры), объединения, общества и т. д. Предполагается, что каждый из этих уровней отражает определенные нормы поведения определенных человеческих групп, различных по характеру и составу: от индивидуума до общества, этнической группы и т. д. [2, с. 160–161].

Для третьей группы построений – динамических построений – характерен метод исследования, когда памятники материальной культуры, природа и их распределение должны быть выявлены и изучаться непосредственно на том месте, где, по предположению, осуществлялась эта деятельность. При этом изучаются не только естественные ресурсы данного региона, но и вероятностные способы их добычи, использования, а также археологические «следы» всего этого. То есть строятся системы, в которых участвуют три категории искомым данных: экономические, социально-экономические и археологические. Их функционирование и общие следствия можно моделировать посредством исчисления. В результате исследования, в таком случае, появляется некая «сверхобобщенная система, в которую эти связи не только фиксируются, но и исчисляются в логическом и математическом смысле этого слова, что позволяет предвидеть изменения уклада жизни, вызванные любым, пусть даже малейшим изменением этого комплекса условий окружающей среды» [2, с. 164].

Эта схема весьма условна, но она задает некоторую последовательность рассуждений в виде типовой, блочной конструкции, выделяя слабые места в рассуждениях, заставляя исследователя обращаться к новым фактам, анализировать связи между ними и тем самым способствовать повышению общего уровня исследования. Процесс интерпретации здесь происходит по линии расширения системных связей, учитываемых в описании. Первый вид – простая интерпретация – фиксирует связи, фиксируемые уже в словаре языка описания, его парадигматике и синтагматике. Второй вид – нормативная интерпретация – возможен только на том уровне, когда «текст», возникший в результате простых интерпретаций, включен в контекст теории объекта. И, наконец, динамическая интерпретация требует подключения не только теории, но и учета контекста, в котором эта теория функционирует, а также предметного контекста, в котором существует изучаемый объект.

И в заключение, подводя итог, можно сделать вывод, что:

– интерпретация касается процессов понимания и предполагает знаковую деятельность, являясь процедурой надления смыслом некоторых вещей, которые, в итоге, функционально становятся «текстом» или фрагментом «текста»;

– интерпретация выступает как один из обязательных механизмов описания, состоящий в установлении отношения между двумя системами, в одной из которых фиксируется в качестве исходных отношения между знаниями, а в другой – отношения между значениями, смыслами. Результат интерпретации – образование третьей системы – нового осмысленного, понятого текста. Как в качестве интерпретирующей системы, так и в качестве интерпретируемой системы могут выступать тексты;

– известные в современной семантике две установки в изучении интерпретативных процедур (одна ориентирует на концептуальные системы коммуникантов, другая – на изучение знакового и ситуативного окружения) реализуются в разных механизмах научного описания: первая – при построении словаря описания, при интерпретации теоретических систем на эмпирическом материале; вторая – при первичном описании новых источников (с помощью принятого языка описания), при интерпретации исходных данных на теоретической области.

Примечания

¹ Отметим, что говоря об интерпретативных процедурах именно в начальном научном описании, мы имеем в виду использование знаковых систем, создаваемых исследователями, а не изучение знаковых свойств исторических (археологических) объектов, возникающих помимо деятельности историков (археологов), – надписи, рисунки, орнаментации, ритуальные языки и т. п.

1. Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуации и установки // *Философия. Логика. Язык.* – М.: Прогресс, 1987.
2. Гарден Ж.-К. *Теоретическая археология.* – М.: Прогресс, 1983.
3. Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография.* – М.: Наука, 1980.
4. Мантатов В. В. *Образ, знак, условность.* – М.: Высшая школа, 1980.
5. Павленис Р. И. *Понимание речи и философия языка: Вместо предисловия // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов.* – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.
6. Павленис Р. И. *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка.* – М.: Мысль, 1983.
7. Петров В. В. *От философии языка к философии сознания: Новые тенденции и их истоки. Предисловие // Философия. Логика. Язык.* – М.: Прогресс, 1987.
8. Серль Дж. Р. *Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык.* – М.: Прогресс, 1987.
9. Фуко М. *Археология знания.* – К.: Ника - Центр, 1996.